

УДК 316.334**Барьерный ландшафт цифровой трансформации гражданского участия: институциональные, технологические и социокультурные вызовы****Дедуль Анастасия Геннадьевна**

Преподаватель,
факультет политологии,
Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9;
e-mail: anastasia.dedul@gmail.com

Статья выполнена в рамках научно-исследовательского проекта при поддержке РНФ 22-78-10049 «Государство и гражданин в условиях новой цифровой реальности».

Аннотация

В статье рассмотрен комплекс ограничений, препятствующих эффективной реализации цифрового гражданского участия в современных политических системах. С использованием подходов институционального анализа, теории цифрового неравенства и критической теории технологий предложена концепция «барьерного ландшафта» как аналитическая модель, позволяющая интерпретировать цифровое участие как движение в условиях множественных взаимосвязанных препятствий. Проанализированы институциональные, технологические и социокультурные барьеры, ограничивающие вовлечённость граждан в цифровую политическую коммуникацию. Выводы статьи подчёркивают необходимость перехода от технологического детерминизма к проектированию инклюзивных и подотчётных цифровых институтов, основанных на принципах справедливости, доверия и правовой определённости.

Для цитирования в научных исследованиях

Дедуль А.Г. Барьерный ландшафт цифровой трансформации гражданского участия: институциональные, технологические и социокультурные вызовы // Теории и проблемы политических исследований. 2025. Том 14. № 2А. С. 33-43.

Ключевые слова

Цифровая трансформация, гражданское участие, цифровая демократия, барьеры участия, институциональный анализ, цифровое неравенство, цифровое недоверие.

Введение

В условиях стремительной цифровизации всех сфер общественной жизни особую значимость приобретает трансформация форм и механизмов гражданского участия. Цифровые технологии становятся не только инструментом расширения возможностей политической коммуникации, но и фактором, принципиально трансформирующим само поле взаимодействия между государством и гражданами. Формируются новые каналы политического выражения — от электронных петиций и цифровых платформ обратной связи до краудсорсинговых процессов разработки нормативных решений. Однако наряду с открывающимися перспективами цифровая трансформация порождает комплекс новых вызовов, критически влияющих на качество и доступность гражданского участия.

Одним из ключевых препятствий на пути полноценной цифровой инклюзии становится совокупность институциональных, технологических и социокультурных барьеров, затрудняющих участие значительных групп населения в цифровом политическом процессе. В условиях усиливающейся глобальной дискуссии о правах на цифровую конфиденциальность, кибербезопасности и цифровом неравенстве, анализ природы и взаимосвязи указанных барьеров приобретает особую политологическую актуальность.

Современные исследования фиксируют устойчивое недоверие к государственным цифровым платформам, обусловленное как отсутствием прозрачных механизмов защиты данных, так и ограниченной институциональной реакцией на инциденты цифровой утечки информации [Ramokarane, Coles-Kemp и др., 2023]. Согласно отчёту ООН (2023), около 2,6 млрд человек по-прежнему не имеют устойчивого доступа к интернету, что напрямую ограничивает возможности для участия в цифровых формах демократического участия [United Nations, 2023]. По данным РАНХиГС, в России 38 % граждан в возрасте старше 60 лет не участвуют в цифровом взаимодействии с государством из-за низкой цифровой грамотности и опасений по поводу утечек данных [РАНХиГС, 2023].

В совокупности эти явления формируют то, что в настоящей статье предлагается концептуализировать как «барьерный ландшафт» цифровой трансформации гражданского участия — множественную, взаимосвязанную структуру ограничений, создающую системную асимметрию доступа к механизмам публичной политики.

Целью данной статьи является политологический анализ барьерного ландшафта цифрового гражданского участия, с акцентом на институциональные, технологические и социокультурные детерминанты. Задачи исследования включают: выявление и типологизацию основных препятствий, анализ их взаимодействия, а также определение направлений преодоления выявленных ограничений.

Научная новизна исследования заключается в интеграции различных уровней анализа барьеров в единую концептуальную рамку, способную объяснить природу и устойчивость ограничений в условиях цифровой трансформации. Методологическая основа исследования базируется на междисциплинарном подходе, включающем институциональный анализ, концепции цифрового неравенства и критическую теорию технологий.

Актуальность темы обусловлена не только практической необходимостью формирования инклюзивной цифровой среды, но и более широкой задачей политической легитимности современного государства, эффективность которого в XXI веке в значительной мере определяется его способностью обеспечить равный доступ граждан к цифровым формам участия и политического выражения.

Основное содержание

Цифровизация повседневной жизни радикально трансформировала формы гражданского участия, изменив как структуру каналов политической коммуникации, так и саму природу вовлечённости граждан в публичную сферу. Если ранее гражданское участие в значительной степени зависело от физических форматов — собраний, митингов, голосования, — то в XXI веке оно всё более переносится в онлайн-пространство. Современное гражданское участие охватывает широкий спектр цифровых практик: от подписания петиций и участия в электронных слушаниях до вовлечённости в цифровые консультации, краудсорсинг инициатив и мониторинг власти через платформы обратной связи. Однако цифровые форматы участия не являются априори более демократичными или доступными [Howard, Hussain, 2013]. Напротив, они способны воспроизводить и даже усиливать существующие социальные и политические неравенства [Chadwick, 2017].

В российском контексте данная проблема приобретает особую значимость в связи с завершением реализации федеральной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (утверждена распоряжением Правительства РФ №1632-р от 28.07.2017) [Постановление Правительства РФ №1632-р, 2017], а также активным внедрением цифровых платформ взаимодействия граждан и власти — таких как «Госуслуги», «Активный гражданин», «Госуслуги. Решаем вместе».

Особую актуальность данная проблематика приобретает также в свете запуска с 2025 года национальной программы «Экономика данных», которая сменяет завершающийся проект «Цифровая экономика» [Министерство цифрового развития РФ, 2024]. Новая стратегия ориентирована не только на технологическое развитие, но и на институциональное переосмысление роли данных в управлении. Среди ключевых направлений — создание системы доверенных цифровых данных, развитие отечественных платформ, внедрение технологий искусственного интеллекта, а также формирование нормативной базы регулирования обращения с данными. Поскольку программа рассчитана до 2030 года, она станет определяющим вектором цифровой трансформации не только в экономике, но и в системе публичного управления. В этом контексте вопросы цифрового неравенства, приватности и легитимности цифрового участия выходят на передний план, поскольку именно они формируют ландшафт доверия — или недоверия — к новым каналам политического взаимодействия [Hiranandani, 2011].

С одной стороны, эти инструменты способствуют институционализации цифровой формы участия, расширяя доступ к государственным сервисам и каналам обратной связи. С другой стороны, они одновременно выявляют и воспроизводят институциональные и инфраструктурные барьеры — от недоверия к цифровым платформам до отсутствия чётких правовых гарантий по защите персональных данных [Макаров, Корнилова, 2022]. Исследования российских политологов (А.Ю. Сунгуров, И.А. Шугрина, А.В. Обольский) подчёркивают, что административная централизация цифровых решений без реальной децентрализации принятия решений ведёт к символическому, а не содержательному вовлечению граждан [Сунгуров, Шугрина, Обольский, 2020].

В политической науке существует несколько подходов к анализу барьеров, препятствующих эффективной реализации цифрового гражданского участия. С точки зрения институционального подхода (D. North, J. March, J. Olsen), ключевые ограничения закреплены в правилах, нормах и структурах формального взаимодействия. Государственные цифровые

платформы, функционирующие в логике централизованного административного контроля, часто не соответствуют логике открытой сетевой демократии. Отсутствие регламентов, непрозрачность алгоритмов, слабая подотчётность — всё это формирует институциональную среду, неблагоприятную для доверительного цифрового взаимодействия [North, 1990].

Сторонники концепции технологической адекватности, в частности В. Latour и Л. Winner, акцентируют внимание на встроенности технологий в социополитический контекст [Latour, 2005; Winner, 1980]. Архитектура цифровых платформ, их интерфейсные решения и логика алгоритмической сортировки контента могут как способствовать участию, так и исключать отдельных граждан по признакам цифровой некомпетентности, возраста или статуса. Технологии не являются нейтральным фоном — они задают рамки возможного участия [Сунгуров, Шугрина, Обольский, 2020].

Особую ценность для анализа цифрового гражданства представляет теория цифрового неравенства, развиваемая Яном ван Дейком и Кэрол Моссбергер [Mossberger, Tolbert, McNeal, 2008; van Dijk, 2005]. Согласно их подходу, неравенство в цифровой среде проявляется не только на уровне доступа к инфраструктуре, но и в мотивации, навыках, уровне цифровой грамотности и способности извлекать пользу из участия. Гражданин, формально обладая доступом к интернету, может быть фактически исключён из политического процесса из-за низкой цифровой уверенности или недоверия к цифровым механизмам [Mossberger, Tolbert, McNeal, 2008; Norris, 2001]. Это особенно важно в условиях России, где, по данным ФОМ, 26% населения испытывают трудности при использовании государственных онлайн-сервисов, а уровень доверия к цифровым формам обратной связи ниже 40% [Фонд «Общественное мнение», 2023].

В рамках данной статьи предлагается концепт «барьерного ландшафта» как аналитическая модель, позволяющая охарактеризовать цифровое участие не как линейный процесс, а как движение в пространстве множественных взаимосвязанных препятствий. В отличие от фрагментарного подхода, концепция ландшафта акцентирует внимание на взаимодействии институциональных, технологических и социокультурных ограничений. Так, недоверие к цифровым платформам, вызванное утечками данных, может усиливать отказ от участия у уязвимых групп, что, в свою очередь, снижает институциональную чувствительность к их интересам. Ландшафт барьеров — это не просто совокупность ограничений, а динамическая система взаимных усилений и пересечений, требующая комплексного анализа.

Институциональный контекст цифрового гражданского участия представляет собой совокупность формальных и неформальных норм, регулирующих взаимодействие граждан и публичной власти в условиях цифровизации. С позиций неинституционализма (D. North, J. March, J. Olsen), именно институциональная структура задаёт рамки, в которых цифровое участие либо реализуется, либо подавляется, определяя доступность, легитимность и эффективность каналов политической коммуникации [March, Olsen, 1984; Norris, 2001].

Одним из ключевых институциональных барьеров является нормативная неопределённость цифровых форм участия. Во многих странах, включая Россию, правовое поле не поспевает за развитием цифровых практик вовлечения граждан, что приводит к фрагментарности регулирования. Отсутствие кодифицированных процедур, обеспечивающих юридическую значимость цифровых инициатив, способствует снижению их политического веса. Такие формы участия, как цифровые общественные обсуждения, электронные консультации или краудсорсинг нормативных актов, нередко оказываются вне зоны чёткого правового признания [Макаров, Корнилова, 2022].

Ещё одной значимой проблемой выступает институционализованный асимметричный доступ к управленческому решению. Формально предоставленные возможности цифрового взаимодействия не всегда сопровождаются механизмами подотчётности, прозрачности обработки мнений и встроенной системы обратной связи. Это закрепляет феномен, который в научной литературе получил определение как *имитационная инклюзия* — внешне доступные, но де-факто не влияющие на принятие решений формы участия [Fung, 2006]. Согласно данным ОЭСР (2023), лишь 38% опрошенных граждан в странах с формализованными цифровыми каналами считают, что их мнение влияет на результаты политических процессов [OECD, 2023].

Институциональные барьеры также проявляются на уровне распределения полномочий и ресурсов. При отсутствии согласованной межуровневой координации между центральными, региональными и муниципальными структурами цифровые инициативы рискуют оставаться формальными либо зависимыми от централизованного управления. Это особенно актуально в государствах с унитарной или жёстко вертикализированной моделью власти, где цифровизация используется преимущественно как инструмент оптимизации административных процедур, а не как средство расширения политического участия [Peters, 2019; van Dijk, 2005].

Наконец, важным институциональным барьером является слабая нормативная проработанность прав граждан в цифровом пространстве. Международные практики (например, Хартия цифровых прав в ЕС, 2022) демонстрируют движение к признанию права на участие как цифрового права наряду с правами на доступ, защиту данных и цифровую идентичность. Однако в ряде юрисдикций такие положения отсутствуют или реализуются декларативно, что ограничивает институциональную субъектность граждан в цифровой среде.

В совокупности институциональные барьеры формируют устойчивую инфраструктуру ограничений, где формальная доступность цифровых платформ не эквивалентна политической включённости. Преодоление этих ограничений требует не столько технологической модернизации, сколько глубоких реформ нормативных, процедурных и управленческих оснований цифрового взаимодействия. Это предполагает переход от технологического детерминизма к институциональному дизайну, ориентированному на легитимность, транспарентность и гарантированное влияние граждан на политические процессы.

Технологическая инфраструктура является неотъемлемым элементом современной демократии, однако она не только расширяет возможности участия, но и порождает специфический набор ограничений, препятствующих включённости граждан в цифровые формы политического взаимодействия. В политологической перспективе технологии рассматриваются не как нейтральные инструменты, а как социотехнические конструкции, формирующие границы возможного в публичной сфере [Latour, 2005].

Одним из ключевых технологических барьеров является неравномерное распределение цифровых ресурсов, как в территориальном, так и в социально-стратификационном измерении. Несмотря на значительный рост уровня интернет-покрытия в большинстве стран, сохраняются глубокие различия в скорости доступа, надёжности подключения и способности использовать современные цифровые устройства. Согласно данным Международного союза электросвязи, в 2023 году около 2,6 млрд человек в мире всё ещё не имели регулярного доступа к интернету, при этом наименее подключёнными остаются сельские и удалённые территории [International Telecommunication Union, 2023]. Такая ситуация создаёт условия для формирования цифрового разрыва второго уровня, связанного не только с технической инфраструктурой, но и с качеством подключения и пользовательскими возможностями [Norris, 2001].

Второй важный барьер — это архитектурные и интерфейсные ограничения самих цифровых

платформ. Исследователи в области критической теории технологий (L. Winner, E. Morozov) подчёркивают, что интерфейс, алгоритмическая логика и модели визуального представления информации могут ограничивать участие, направляя поведение пользователей в строго определённых рамках [Winner, 1986]. Таким образом, платформы становятся не только пространствами для участия, но и механизмами его структурирования, фильтрации и в ряде случаев — исключения.

Третьей группой технологических препятствий выступают риски, связанные с безопасностью и приватностью [Hiranandani, 2011]. Отсутствие надёжных технических гарантий конфиденциальности, возможность деанонимизации и утечек персональных данных существенно сдерживают мотивацию к участию, особенно среди уязвимых групп населения. Согласно исследованию Pew Research Center (2022), 79% респондентов в развитых странах выражают обеспокоенность тем, как государственные и частные структуры используют их данные в цифровом пространстве [Pew Research Center, 2022]. Недостаточный уровень криптографической защиты, непрозрачные условия пользовательских соглашений и отсутствие у граждан инструментов управления своими цифровыми следами усиливают эффект «цифровой настороженности» (*digital reluctance*), что ведёт к отстранению от участия.

Наконец, существенным технологическим ограничением является зависимость национальных политических инфраструктур от иностранных технологических решений и стандартов. Такая зависимость порождает риски утраты цифрового суверенитета и снижает степень доверия к цифровым процессам, особенно в условиях геополитической напряжённости. Это влечёт за собой не только правовые и стратегические последствия, но и сужает пространство для автономного гражданского действия в цифровой среде.

Совокупность технологических барьеров показывает, что политическая включённость в условиях цифровой трансформации не может быть обеспечена исключительно формальной доступностью платформ. Необходима разработка институционализированных стандартов технологической справедливости, включающих принципы открытого дизайна, доступности интерфейсов, гарантированной приватности и прозрачности алгоритмов. Только в этом случае технологии станут не инструментом сегрегации, а инфраструктурой участия.

Социокультурные барьеры представляют собой совокупность ментальных установок, поведенческих норм и культурных кодов, ограничивающих участие граждан в цифровом политическом процессе. В отличие от институциональных и технологических препятствий, эти барьеры функционируют менее формально, но оказывают глубокое влияние на мотивацию, доверие и поведенческую вовлечённость индивидов в цифровую публичную сферу.

Ключевым элементом является уровень цифровой грамотности, который определяет способность граждан использовать цифровые инструменты не только технически, но и критически. Согласно данным «Цифрового диктанта» 2024 года, средний уровень цифровой грамотности россиян составил 6,65 балла из 10 возможных [Digital Dictation, 2024]. Наиболее высокие показатели зафиксированы у участников в возрасте 10–13 лет (7,08 балла), тогда как среди молодёжи 18–25 лет этот показатель составил 6,19 балла [Фонд «Общественное мнение», 2023]. Это свидетельствует о необходимости усиления образовательных программ, направленных на повышение цифровых компетенций среди молодого взрослого населения.

Другим существенным барьером выступает недоверие к цифровым форматам публичного взаимодействия, формирующееся на фоне общего скепсиса по отношению к государственным институтам. В контексте политической культуры недоверия, укоренённой в постсоветских

обществах, цифровые платформы могут восприниматься как инструменты контроля, а не расширения гражданских свобод [Гудков, 2019]. Эмпирические исследования показывают, что уровень доверия напрямую коррелирует с готовностью участвовать в цифровых формах политической активности. При уровне базового институционального доверия ниже 40% доля тех, кто считает цифровое участие эффективным, не превышает 25% [ВЦИОМ, 2022].

Важную роль играют также ценностные ориентации и политическая социализация, которые определяют восприятие самой идеи участия. В обществах с авторитарными или патерналистскими традициями активность граждан вне институционально одобренных форм может рассматриваться как девиантная. Цифровое участие в таких условиях приобретает черты либо символического (внешне одобряемого), либо протестного (альтернативного) поведения, затрудняя институционализацию устойчивых каналов конструктивной коммуникации между обществом и властью [Макаров, Корнилова, 2022; Howard, Hussain, 2013].

Особо следует выделить проблему цифровой стигматизации уязвимых групп — пожилых людей, людей с инвалидностью, низкодходных категорий, этнокультурных меньшинств. Эти группы нередко оказываются исключёнными из цифрового пространства участия по совокупности причин: низкий доступ к технологиям, слабая цифровая компетентность, страх утраты конфиденциальности, языковые и когнитивные барьеры. Исследование Оксфордского института интернета (2022) показало, что в странах с высоким индексом цифрового развития около 20% граждан избегают участия в цифровых платформах из-за ощущения «некомпетентности» или страха «сделать что-то неправильно» [Oxford Internet Institute, 2022].

Наконец, важным социокультурным барьером является недостаточное развитие культуры цифрового гражданства. Участие в цифровой политике предполагает не только технические навыки, но и понимание своих прав, обязанностей, механизмов влияния и границ допустимого. В отсутствие системной цифровой социализации, особенно в системе образования и медиа, цифровое пространство остаётся фрагментированным, а участие в нём — эпизодическим и реактивным, а не проактивным [Сунгуров, Шугрина, Обольский, 2020; Mossberger, Tolbert, McNeal, 2008].

Таким образом, социокультурные барьеры в цифровом гражданском участии функционируют как «мягкие» формы отчуждения, не формализованные, но устойчиво воспроизводимые. Они формируют невидимую, но мощную инфраструктуру исключения, преодоление которой требует не только институциональных и технологических изменений, но и глубокой трансформации политической культуры, систем образования и цифровой социализации.

Заключение

Цифровая трансформация гражданского участия в современном обществе раскрывает не только потенциал демократизации процессов публичного управления, но и остро выявляет целый комплекс ограничений, встроенных в институциональную, технологическую и социокультурную структуру современной политической системы. Проведённый в статье анализ позволил концептуализировать эти ограничения как взаимосвязанный *барьерный ландшафт* — сложную, многослойную систему препятствий, внутри которой цифровое участие граждан не столько расширяется, сколько воспроизводит существующие формы неравенства и исключения.

Институциональные барьеры, проявляющиеся в правовой фрагментарности,

административной централизации и ограниченной подотчётности цифровых решений, подрывают доверие к цифровым каналам взаимодействия и сводят на нет возможности реального влияния граждан на принятие решений. Технологические ограничения, включая цифровое неравенство, архитектурные дефекты платформ и слабые гарантии безопасности, конструируют технически подкреплённую асимметрию доступа к участию. Социокультурные факторы — от низкого уровня цифровой грамотности до недоверия, ценностной дистанции и символической стигматизации — действуют как скрытые фильтры, исключая значительные группы населения из цифрового политического пространства.

Таким образом, цифровое гражданское участие на текущем этапе не может рассматриваться как линейный путь к усилению демократии. Напротив, без устранения системных барьеров оно рискует стать инструментом имитации вовлечённости, способным углубить социальное отчуждение и легитимировать статус-кво. Для преодоления этого риска необходима комплексная стратегия, сочетающая институциональные реформы (включая юридическое закрепление цифровых прав граждан), технологическую справедливость (прозрачность и инклюзивность платформ), а также развитие культуры цифрового гражданства через образование и публичную социализацию.

Будущее цифрового участия зависит от того, будет ли цифровая среда организована как пространство равных возможностей — или как новая форма политического сегментирования. Именно поэтому ключевая задача научного и практического сообщества заключается не в технологическом оптимизме, а в критической диагностике барьеров и проектировании институциональных условий, при которых цифровая демократия перестаёт быть декларацией и становится действенным механизмом вовлечения и влияния.

Библиография

1. Гудков Л.Д. Институциональное недоверие как характеристика российской политической культуры // Вопросы философии. – 2019. – № 10. – С. 5–17.
2. Макаров А.А., Корнилова Н.В. Электронное участие как институт публичной политики: вызовы и ограничения // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. – 2022. – № 4. – С. 89–104.
3. Министерство цифрового развития РФ. Национальная программа «Экономика данных» (проект). – 2024. – URL: <https://digital.gov.ru/> (дата обращения: 11.05.2025).
4. Постановление Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р «О программе "Цифровая экономика Российской Федерации"» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201707290002> (дата обращения: 11.05.2025).
5. РАНХиГС. Мониторинг цифрового неравенства в России: аналитический доклад. – М.: РАНХиГС, 2023. – 34 с.
6. Сунгуров А.Ю., Шугрина И.А., Обольский А.В. Электронное участие и электронное правительство: проблемы институционализации // Полис. Политические исследования. – 2020. – № 2. – С. 56–69.
7. Фонд «Общественное мнение». Цифровая грамотность и использование онлайн-сервисов: аналитический доклад. – 2023. – URL: <https://fom.ru/> (дата обращения: 11.05.2025).
8. ВЦИОМ. Индекс доверия к государственным институтам: результаты всероссийского опроса. – 2022. – URL: <https://wciom.ru/> (дата обращения: 11.05.2025).
9. Digital Dictation. Результаты цифрового диктанта – 2024. – URL: <https://digitaldictation.ru/2024-result.pdf> (дата обращения: 11.05.2025).
10. Chadwick A. The Hybrid Media System: Politics and Power. – Oxford: Oxford University Press, 2017. – 320 p.
11. Fung A. Varieties of Participation in Complex Governance // Public Administration Review. – 2006. – Vol. 66, No. S1. – P. 66–75.
12. Hiranandani V. Privacy and Security in the Digital Age: Contemporary Challenges and Future Directions // The International Journal of Human Rights. – 2011. – Vol. 15. – P. 1091–1106.
13. Howard P.N., Hussain M.M. Democracy's Fourth Wave? Digital Media and the Arab Spring. – Oxford: Oxford University Press, 2013. – 176 p.
14. International Telecommunication Union. Facts and Figures 2023: Measuring Digital Development. – Geneva: ITU,

2023. – URL: <https://www.itu.int/> (дата обращения: 11.05.2025).
15. Latour B. *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory*. – Oxford: Oxford University Press, 2005. – 301 p.
16. March J.G., Olsen J.P. The New Institutionalism: Organizational Factors in Political Life // *American Political Science Review*. – 1984. – Vol. 78, No. 3. – P. 734–749.
17. Mossberger K., Tolbert C.J., McNeal R.S. *Digital Citizenship: The Internet, Society, and Participation*. – Cambridge, MA: MIT Press, 2008. – 216 p.
18. North D.C. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1990. – 159 p.
19. Norris P. *Digital Divide: Civic Engagement, Information Poverty, and the Internet Worldwide*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001. – 303 p.
20. OECD. *Drivers of Trust in Public Institutions*. – Paris: OECD Publishing, 2023. – URL: <https://www.oecd.org/gov/trust-in-government/> (дата обращения: 11.05.2025).
21. Oxford Internet Institute. *Digital Inequality and the Participation Gap*. – 2022. – URL: <https://www.oii.ox.ac.uk/> (дата обращения: 11.05.2025).
22. Peters B.G. *Institutional Theory in Political Science: The New Institutionalism*. – 4th ed. – Cheltenham: Edward Elgar, 2019. – 256 p.
23. Pew Research Center. *The State of Online Privacy and Data Use*. – 2022. – URL: <https://www.pewresearch.org/> (дата обращения: 11.05.2025).
24. Ramokapane K., Coles-Kemp L., et al. *Towards Equitable Privacy* // *ArXiv*. – 2023. – No. abs/2308.00004. – URL: https://consensus.app/papers/towards-equitable-privacy-ramokapane-coles-kemp/c61423216c305e488d85c46ad5f8edd8/?utm_source=chatgpt (дата обращения: 11.05.2025).
25. van Dijk J.A.G.M. *The Deepening Divide: Inequality in the Information Society*. – London: SAGE Publications, 2005. – 218 p.
26. Winner L. Do Artifacts Have Politics? // *Daedalus*. – 1980. – Vol. 109, No. 1. – P. 121–136.
27. Winner L. *The Whale and the Reactor: A Search for Limits in an Age of High Technology*. – Chicago: University of Chicago Press, 1986. – 214 p.
28. United Nations. *Measuring digital development: Facts and figures 2023*. — ITU, Geneva. — URL: <https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Pages/facts/default.aspx> (дата обращения: 11.05.2025).

The Barrier Landscape of Digital Transformation in Civic Engagement: Institutional, Technological and Sociocultural Challenges

Anastasiya G. Dedul'

Lecturer,
Faculty of Political Science,
Saint Petersburg State University,
199034, 7-9, Universitetskaya emb., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: anastasia.dedul@gmail.com

Abstract

The article examines a complex of constraints hindering effective digital civic engagement in contemporary political systems. Employing institutional analysis, digital inequality theory, and critical technology studies, the author proposes the concept of "barrier landscape" as an analytical framework for interpreting digital participation as movement through multiple interconnected obstacles. The study analyzes institutional, technological, and sociocultural barriers limiting citizen involvement in digital political communication. The findings emphasize the need to move beyond technological determinism toward designing inclusive and accountable digital institutions based on principles of fairness, trust, and legal certainty.

For citation

Dedul' A.G. (2025) Bar'ernyy landshaft tsifrovoy transformatsii grazhdanskogo uchastiya: institutsional'nye, tekhnologicheskie i sotsiokul'turnye vyzovy [The Barrier Landscape of Digital Transformation in Civic Engagement: Institutional, Technological and Sociocultural Challenges]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 14 (2A), pp. 33-43.

Keywords

Digital transformation, civic engagement, digital democracy, participation barriers, institutional analysis, digital inequality, digital distrust.

References

1. Gudkov L.D. Institutional distrust as a characteristic of Russian political culture // Questions of Philosophy. 2019. No. 10. pp. 5-17.
2. Makarov A.A., Komilova N.V. Electronic participation as an institution of public policy: challenges and limitations // Bulletin of the Moscow University. Ser. 12. Political sciences. – 2022. – No. 4. – pp. 89-104.
3. Ministry of Digital Development of the Russian Federation. National program "Data Economics" (project). - 2024. – URL: <https://digital.gov.ru/> (date of access: 05/11/2025).
4. Decree of the Government of the Russian Federation dated July 28, 2017 No. 1632-r "On the Digital Economy of the Russian Federation Program" // Official Internet portal of Legal Information. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201707290002> (date of application: 05/11/2025).
5. RANHiGS. Monitoring of digital inequality in Russia: Analytical report. Moscow: RANHiGS, 2023. 34 p.
6. Sungurov A.Yu., Shugrina I.A., Obolsky A.V. Electronic participation and electronic government: problems of institutionalization // Polis. Political research. - 2020. – No. 2. – pp. 56-69.
7. The Public Opinion Foundation. Digital literacy and the use of online services: an analytical report. – 2023. – URL: <https://fom.ru/> (date of request: 05/11/2025).
8. VTsIOM. The index of trust in state institutions: the results of the All-Russian survey. - 2022. – URL: <https://wciom.ru/> (date of publication: 05/11/2025).
9. Digital dictation. The results of digital dictation – 2024. – URL: <https://digitaldictation.ru/2024-result.pdf> (accessed: 05/11/2025).
10. Chadwick A. Hybrid media system: Politics and Power. Oxford: Oxford University Press, 2017. 320 p.
11. Fung A. Varieties of participation in integrated management // Review of public administration. 2006. Volume 66, No. S1. pp. 66-75.
12. Hiranandani V. Privacy and security in the digital age: modern challenges and directions for the future // International Journal of Human Rights. – 2011. – Volume 15. – pp. 1091-1106.
13. Howard P.N., Hussein M.M. The fourth wave of democracy? Digital media and the Arab Spring. Oxford: Oxford University Press, 2013. 176 p.
14. International Telecommunication Union. Facts and Figures 2023: Measuring Digital Development. – Geneva: ITU, 2023. – URL: <https://www.itu.int/> (accessed: 05/11/2025).
15. Latour B. Rethinking the social: an introduction to actor-network theory. Oxford: Oxford University Press, 2005. 301 p.
16. March J.G., Olsen J.P. The new institutionalism: organizational factors in political life // American Political Science Review. – 1984. – Vol. 78, No. 3. – pp. 734-749.
17. Mossberger K., Tolbert K.J., McNeil R.S. Digital citizenship: The Internet, society, and participation. – Cambridge, Massachusetts: MIT Press, 2008. – 216 p.
18. Institutions of the Northern District of Columbia, institutional changes and economic indicators. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 159 p.
19. Norris P. The digital Divide: Civic Engagement, Information Poverty, and the Internet worldwide. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 303 p.
20. The OECD. Factors determining trust in government institutions. – Paris: OECD Publishing House, 2023. – URL: <https://www.oecd.org/gov/trust-in-government/> (publication date: 05/11/2025).
21. Oxford Internet Institute. Digital inequality and the participation gap. - 2022. – URL: <https://www.oii.ox.ac.uk/> (accessed: 05/11/2025).
22. Peters B.G. Institutional theory in Political Science: New Institutionalism. – 4th ed. – Cheltenham: Edward Elgar, 2019. – 256 p.

-
23. The Pew Research Center. The state of online privacy and data usage. - 2022. – URL: <https://www.pewresearch.org/> (date of access: 05/11/2025).
 24. Ramokapane K., Coles-Kemp L. et al. Towards equitable privacy // arXiv. – 2023. – No. abs/2308.00004. – URL: https://consensus.app/papers/towards-equitable-privacy-ramokapane-coles-kemp/c61423216c305e488d85c46ad5f8edd8/?utm_source=chatgpt (accessed: 05/11/2025).
 25. Van Dijk J.A.G.M. The widening gap: Inequality in the Information Society. – London: SAGE Publications, 2005. – 218 p.
 26. Winner L. Do artifacts have a policy? // *Dedalus*. – 1980. – Volume 109, No. 1. – pp. 121-136.
 27. Winner L. The Whale and the Reactor: the search for limits in the age of high technology. – Chicago: University of Chicago Press, 1986. – 214 p.
 28. The United Nations. Measuring Digital Development: Facts and Figures 2023. — ITU, Geneva. — URL: <https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Pages/facts/default.aspx> (date of request: 05/11/2025).